

А.Л. Беглов*

ГИМНОГРАФИЧЕСКОЕ ПОМИНОВАНИЕ
ПОГИБШИХ НАСТАВНИКОВ В ТРАДИЦИИ
ТАЙНЫХ МОНАШЕСКИХ ОБЩИН
ВЫСОКО-ПЕТРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ**doi:10.31518/2618-9100-2025-3-8
УДК 93/94 930.253*Выходные данные для цитирования:**Беглов А.Л. Гимнографическое поминовение погибших наставников в традиции тайных монашеских общин Высоко-Петровского монастыря // Исторический курьер. 2025. № 3 (41). С. 118–137. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-3-08.pdf>*

A.L. Beglov*

HYMNOGRAPHIC COMMEMORATION OF DECEASED
SPIRITUAL FATHERS IN THE TRADITION
OF THE SECRET MONASTIC COMMUNITIES
OF THE VYSOKO-PETROVSKY MONASTERY**

doi:10.31518/2618-9100-2025-3-8

*How to cite:**Beglov A.L. Hymnographic Commemoration of Deceased Spiritual Fathers in the Tradition of the Secret Monastic Communities of the Vysoko-Petrovsky Monastery // Historical Courier, 2025, No. 3 (41), pp. 118–137. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-3-08.pdf>]*

Abstract. The article deals with three hymnographic works created by members of the secret monastic communities of Moscow's Vysoko-Petrovsky Monastery and dedicated to the memory of their deceased spiritual leaders. These are two canons by Archimandrite German (Polyansky), dedicated to the memory of the abbot of the monastery, Archbishop Bartholomew (Remov), written in the mid-1930s, and the canon of Nun Ignatia (Puzik) dedicated to the memory of Schiarchimandrite Ignatyi (Lebedev), written at the turn of the 1970s–1980s. These works reveal important aspects of the self-consciousness of the members of the Vysoko-Petrovsky communities, who described the spiritual state of the Christians of the Soviet era through an appeal to the biblical image of the three young men in the furnace of Babylon from the Book of Daniel and to the images of the martyrs of the first centuries of the Christian era. In addition, the works under consideration demonstrate their authors' deep penetration into the literary world of Orthodox worship, which allowed them to clothe their personal experiences in traditional hymnographic forms.

Keywords: history of the Russian Orthodox Church of the 20th century, secret monastic communities, Vysoko-Petrovsky Monastery, sources on the history of the Church, church archives, hymnography, liturgical samizdat.

The article has been received by the editor on 16.03.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* Алексей Львович Беглов, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: al.beglov@igh.ru

Alexey L'vovich Beglov, Doctor of Historical Sciences, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: al.beglov@igh.ru

** В основе настоящей статьи доклад автора на V конференции «Современная православная гимнография», организованной Центром по изучению церковнославянского языка Института русского языка РАН (Москва, 9–10 марта 2016 г.). Автор выражает признательность коллегам, принявшим участие в обсуждении этой работы, особенно священнику Максиму Плякину, А.Г. Кравецкому, И.А. Фадееву.

The article is based on the author's report at the V conference "Modern Orthodox Hymnography", organized by the Center for the Study of the Church Slavonic Language of the Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences (Moscow, March 9–10, 2016). The author expresses gratitude to the colleagues who took part in the discussion of this work, especially priest Maxim Plyakin, A.G. Kravetsky, I.A. Fadeev.

Аннотация. В статье рассматриваются три гимнографических произведения, созданные членами тайных монашеских общин московского Высоко-Петровского монастыря и посвященные памяти их погибших духовных наставников. Это два канона архимандрита Германа (Полянского) памяти настоятеля монастыря архиепископа Варфоломея (Ремова), написанные в середине 1930-х гг., а также канон монахини Игнатии (Пузик), написанный на рубеже 1970–1980-х гг. в память о схиархимандрите Игнатии (Лебедеве). Эти произведения раскрывают важные аспекты самосознания членов высоко-петровских общин, описывавших духовное состояние христиан советской эпохи через апелляцию к библейскому образу трех отроков в печи вавилонской из книги пророка Даниила и к образам мучеников первых веков христианской эры. Кроме того, рассматриваемые произведения демонстрируют глубокое проникновение их авторов в художественный мир православного богослужения, что позволило им облекать личные переживания в традиционные гимнографические формы.

Ключевые слова: история Русской православной церкви XX в., тайные монашеские общины, Высоко-Петровский монастырь, источники по истории Церкви, церковные архивы, гимнография, литургический самиздат.

Статья поступила в редакцию 16.03.2025 г.

В настоящей статье мы рассмотрим три гимнографических произведения (канона), составленных членами тайных монашеских общин московского Высоко-Петровского монастыря в память о своих погибших духовных наставниках. Изучение гимнографического наследия советского периода сегодня находится в самом начале. Опубликован ряд обзорных работ, содержащих как общие наблюдения о закономерностях развития русской православной гимнографии в XX в., так и более специальные наблюдения об особенностях развития богослужебного языка этого периода¹. Между тем пока не появилось работ, анализирующих отдельные жанры гимнографии прошлого столетия, в частности богослужебные каноны. В связи с тем, что пока не представляется возможным поставить в более широкий контекст анализируемые ниже гимнографические произведения, наша задача будет сводиться к их анализу в контексте письменных и аскетических практик того религиозного сообщества, в недрах которого они были созданы. Уже отмечалось, что эти практики имели специфические черты, сближавшие их с ранними памятниками восточно-христианской монашеской литературы². Появление в рамках высоко-петровской письменной традиции гимнографических произведений – свидетельство того, что внутри этих общин шло творческое освоение не только аскетического, но и богослужебного восточно-христианского наследия.

¹ Андроник (Трубачев), игум. Гимнографическая деятельность Русской Православной Церкви после восстановления Патриаршества (1917–1988) // Альфа и Омега. 2007. № 2 (49). С. 285–302; [Кравецкий А.Г.] Литургический самиздат советского времени // Кравецкий А., Потехина Е. Минеи: образец гимнографической литературы и средство формирования мировоззрения православных. Olsztyn, 2013. С. 29–32; Кравецкий А.Г. Литургический самиздат XX века: языковые особенности и проблемы рецепции // *Latopisy Akademii Supraskiej*. Vol. 3. Język naszej modlitwy – dawnej i dziś. Białystok, 2012. S. 85–94; Афанасий (Стрельцов), иеромон. Гимнографическое наследие митрополита Никодима (Ротова) [Электронный ресурс] // Богослов.ру. Научный богословский портал. URL: <https://bogoslov.ru/article/5607985> (дата обращения: 13.03.2025); Кравецкий А.Г. Литургический XX век // Вода живая. 2019. № 4 (апрель). С. 12–17.

² Беглов А.Л. Аскетическая письменность эпохи гонений как система маргиналий // Альфа и Омега. 2009. № 1 (54). С. 119–133; Беглов А.Л. Архив тайных монашеских общин Высоко-Петровского монастыря: история формирования и состав [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2023. № 2 (28). С. 59–73. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-2-05.pdf> (дата обращения: 13.03.2025); Беглов А.Л. Самиздат в составе архива тайных монашеских общин Высоко-Петровского монастыря в Москве (1920–1950-е годы). К вопросу о феномене церковного самиздата [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2024. № 2 (34). С. 79–98. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-2-06.pdf> (дата обращения: 13.03.2025).

Напомним, что тайные общины Высоко-Петровского монастыря генетически были связаны с мужской Зосимовой пустыней, известным центром духовного руководства (старчества) начала XX в.³ Пустынь была закрыта в 1923 г., и часть ее духовников перешла в Высоко-Петровский монастырь в Москве, где настоятелем был постриженник пустыни епископ (позднее – архиепископ) Варфоломей (Ремов; 1888–1935). Во второй половине 1920-х гг. вокруг бывших зосимовских духовников и их ближайших учеников стали складываться тайные монашеские общины, состоявшие как из мужчин, так и из женщин. Общины были объединены зосимовской аскетической традицией, общим богослужением и руководством епископа Варфоломея, который выступал как игумен этого тайного монастыря. К началу 1930-х гг. он стал самой крупной из известных нам сегодня тайных монашеских общин советского периода⁴.

В первой половине 1935 г. московский центр петровских общин был разгромлен. Архиепископ Варфоломей был арестован и 10 июля расстрелян в Бутырской тюрьме⁵. Также был арестован и отправлен в заключение ряд высоко-петровских духовников и постриженников. Среди них был и еще один авторитетный наставник – схиархимандрит Игнатий (Лебедев; 1884–1938), позднее скончавшийся в инвалидном лагере под городом Алатырь в Чувашии. Несмотря на это, общины продолжали существовать как единое целое до конца 1950-х гг., а отдельные их члены дожили до начала XXI в.⁶

Одним из ближайших учеников епископа Варфоломея был архимандрит Герман (Полянский; 1901–1937). Он был арестован прежде своего наставника в январе 1933 г. вместе с несколькими другими молодыми постриженниками Высоко-Петровской обители. Они обвинялись в принадлежности к «контрреволюционной организации христианской молодежи»; всего по этому делу было арестовано 25 человек. Отец Герман был приговорен к трем годам исправительно-трудовых лагерей. Срок он отбывал в Сиблаге, близ города Мариинска в Западно-Сибирском крае. В 1936 г. прямо в лагере он был осужден на новый пятилетний срок и переведен в Суловское отделение Сиблага (сейчас Кемеровская область). В октябре 1937 г. он был обвинен в систематической контрреволюционной агитации и приговорен к расстрелу. Считается, что поводом для нового ареста стало совершенное архимандритом Германом тайное крещение одного из заключенных. В 2000 г. преподобномученик Герман (Полянский) был прославлен в составе Собора новомучеников и исповедников Российских⁷. Немного позже, в том же году, в состав собора было включено имя преподобномученика Игнатия (Лебедева).

Во второй половине 1935 или в начале 1936 г., узнав о гибели своего духовного отца, архимандрит Герман (Полянский) написал два канона в память о нем. Позже они были переданы на волю и стали известны в кругу членов высоко-петровских общин. Из воспоминаний одной из петровских пострижениц, рясофорной монахини Серафимы (Кавелиной),

³ *Игнатия, мон.* Старчество на Руси. М., 1999. С. 63–81.

⁴ Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2018. С. 49–53; Беглов А.Л. Архив тайных монашеских общин Высоко-Петровского монастыря: история формирования и состав... С. 61–63. О месте высоко-петровских тайных общин среди других групп монашеского подполья советского периода см.: Беглов А.Л. Тайные монашеские общины советского периода. Проблемы типологии // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2022. Вып. 108. С. 126–151.

⁵ Беглов А.Л. Архиепископ Варфоломей (Ремов): *Argumentum advocati Dei*. Настоятель Высоко-Петровского монастыря по материалам архивов его прихожан // Церковь в истории России. М., 2003. Вып. 5. С. 222–240; [Беглов А.] Жизненный путь архиепископа Варфоломея // Альфа и Омега. 1998. № 4 (18). С. 119–129; Беглов А. Человек и история в эпоху катастрофы. Саморефлексия руководителя тайных монашеских общин 1920–1930-х годов // Вера и личность в меняющемся обществе. Автобиографика и православие в России конца XVII – начала XX века. М., 2019. С. 340–358.

⁶ *Игнатия (Петровская), мон.* Высоко-Петровский монастырь в 20–30 гг. // Альфа и Омега. 1996. № 1 (8). С. 114–135; *Игнатия, мон.* Старчество на Руси... С. 63–81; *Игнатия, мон.* Старчество в годы гонений. Преподобномученик Игнатий (Лебедев) и его духовная семья. М., 2001; Балашова Е.Г. Новые сведения о пострадавших в годы гонений на Церковь в СССР в 1920–1930-е гг. (по материалам Высоко-Петровского монастыря г. Москвы) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2017. Т. 16, № 3. С. 414–428.

⁷ Беглов А.Л. Герман (Полянский), преподобномученик, архимандрит // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 11. С. 228–229.

известно, что каноны отца Германа обсуждались в среде петровских отцов и постриженников. В частности, ставился вопрос об их использовании. Духовник монахини Серафимы архимандрит Никита (Курочкин) указывал своей духовной дочери, что поскольку владыка Варфоломей не прославлен в лике святых, ему не следует молиться как мученику, но только молиться о нем, в том числе используя каноны, написанные отцом Германом, исключительно для келейного чтения.

Сами эти произведения отложились в высоко-петровском архиве в виде единственного списка из собрания бывшей прихожанки монастыря В.Я. Козловой, которая получила их от одного из иподиаконов епископа Варфоломея. Переданный из заключения автограф архимандрита Германа до нас не дошел. Список В.Я. Козловой был сделан предположительно ею в школьных тетрадях в клетку. Он сделан с ошибками, которые можно объяснить неуверенным прочтением оригинала. Впрочем, большинство этих неуверенных чтений можно довольно просто восстановить.

Примечательно, что один из канонов имеет авторский заголовок – «Закат нашего солнца», что нехарактерно для гимнографических произведений. Другой канон названия не имеет; ниже мы будем именовать его по первой строке: «К лику Христову стремятся добропобедные мученицы...». Нужно сказать, что мы не знаем, какой из двух канонов был написан раньше. Можно предположить, что это был канон «К лику Христову стремятся добропобедные мученицы...» (рис. 1), поскольку в нем мы находим более непосредственное, местами более яркое, чем в другом каноне, выражение чувств автора. Это, как представляется, указывает на то, что он писался под влиянием первого впечатления, произведенного известием о смерти наставника. Кроме того, как мы увидим ниже, в каноне «Закат нашего солнца» более продуманная композиция, элементы которой лишь намечены в первом каноне.

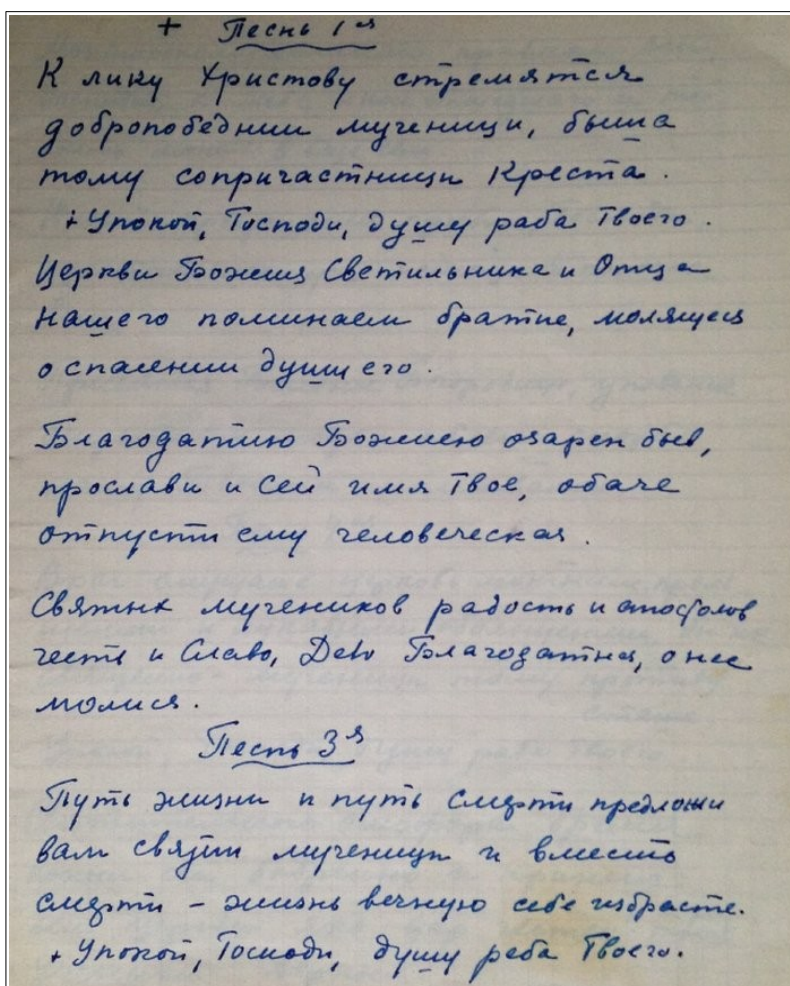

Рис. 1. Архимандрит Герман (Полянский). Канон «К лику Христову стремятся добропобедные мученицы...». 1935–1936 гг.

Песни обоих канонов состоят из ирмоса и трех тропарей. Все ирмосы – авторские, не заимствованные из других гимнографических произведений и в подавляющем большинстве посвящены мученикам⁸. Припев обоих канонов: «Упокой, Господи, душу раба Твоего». Ирмосы первого канона выглядят следующим образом: «К лику Христову стремятся добропобеднии мученицы, быша тому сопричастницы Креста» (1-я песнь), «Путь жизни и путь смерти предложи вам, святии мученицы, и вместо смерти – жизнь вечную себе избрасте» (3-я песнь), «Враг смущаше церковь лютыми прельщенми и лукавыми оболщенми, вы же священно-мученицы тому противу сташе» (4-я песнь), «Светлых мученик поем память в молитве умиленной» (5-я песнь), «Бездною страданий обуреваемии, доблии мученицы, ко Господу воззвасте и спасе Вас» (6-я песнь), «Посреде огня ввержени вавилонстии отроцы Троицу светло прославиша» (7-я песнь), «Приял еси терпение святых, Господи, приими и нашу скорбную молитву, хвалимый во веки» (8-я песнь), «Святых мучеников, благодатного страдания восприемше милость, молимся о усопшем» (9-я песнь).

Как видим, лишь в ирмосе 7-й песни этого канона архимандрит Герман отступает от темы прославления мучеников. Впрочем, можно сказать, что этот мотив присутствует в данном ирмосе имплицитно, поскольку «вавилонстии отроцы», брошенные царем Навоходоносором в печь, в православной традиции воспринимаются как прообраз христианских мучеников. Об этом прямо говорится в ирмосе соответствующей песни канона «Закат нашего солнца». Вот его ирмосы: «В небесных чертозах доблии мученицы веселятся со всеми Святыми и преставльшемуся избавление подают» (1-я песнь), «Противу тьмы мирския крепко сташа доблии Твои мученицы, веру Христову, яко ярем, взявнии противу козней столпа злобы богопротивныя» (3-я песнь), «Пророка Аввакума возлюбив издалежа озарения, изъяснил еси людям, како той услышав чудный слух Иисусов» (4-я песнь), «Светом Христовым озарени доблии мученицы, Свет Христов в мире принесоша, проливши крови ваша, и быше Тому священная жертва» (5-я песнь), «Претерпесте болезни горькия святии мученицы, стасте противу мирския власти, егда понуждаху вас Христа отступити» (6-я песнь), «Халдейские дети, первии мученицы Небеснаго Царя, вы быша нам образ Света Божия посреде тьмы мирския» (7-я песнь), «Молитвою вооружившеся доблии мученицы, сташа крепко, до конца непоколебими ниже уничижаемыми» (8-я песнь), «Вечным венцем венчаются святии мученицы, быше Христови друзи искреннии» (9-я песнь).

Отступление от темы прославления мучеников в этом каноне мы видим в ирмосе 4-й песни. Автор не мог не обратиться здесь к биографии своего погибшего наставника, поскольку именно книге пророка Аввакума (к тексту которой отсылает нас ирмос 4-й песни канона) была посвящена магистерская диссертация будущего епископа Варфоломея, защищенная в Московской духовной академии в 1914 г. Основной темой обоих канонов архимандрита Германа является молитва о духовном отце и о его осиротевших духовных детях. В ряде мест молитва о наставнике базируется на размышлениях о тех или иных эпизодах его жизненного пути, причем эта биографическая составляющая особенно последовательно представлена в каноне «Закат нашего солнца». Приведем несколько примеров того, как реализуется тема молитвы о духовном отце и его чадах.

В каноне «К лику Христову стремятся добропобедные мученицы...» с этой точки зрения прежде всего обращают на себя внимание следующие тропари: «Церкви Божия Светильника и Отца нашего поминаем братие, молящеся о спасении души его», «Благодатию

⁸ Мы называем первые строфы канонов отца Германа ирмосами, потому что так их воспринимали члены высоко-петровских общин. Кроме того, в известном нам списке после первой строфы каждой песни помещены припевы, что также может подкреплять восприятие этих строф как ирмосов. Впрочем, возможна и иная интерпретация, согласно которой данные строфы являются тропарями, а каноны в таком случае должны считаться состоящими только из тропарей, без ирмосов. Такое толкование находит основание в богослужебном уставе и в русской гимнографической традиции. Так, заупокойные каноны суббот Октоиха и Постной Триоди состоят из тропарей, посвященных мученикам и усопшим, как и каноны архимандрита Германа. Кроме того, скорее всего, отец Герман предполагал, что его каноны могут быть исполнены на панихиде о погибшем наставнике. В таком случае ирмосы им не требовались, поскольку, согласно богослужебному уставу, канон на панихиде поется без ирмосов. Наконец, русские авторы богослужебных канонов, как правило, заимствовали ирмосы из существующих богослужебных книг (ср. ниже канон монахини Игнатии (Пузик)) Маловероятно, что архимандрит Герман нарушил эту традицию.

Божиею озарен быв, прослави и сей имя Твое, обаче отпусти ему человеческая», «Святых мучеников радость и апостолов честь и слава, Дево Благодатная, о нас молися» (1-я песнь), «Светом Твоим озари усопшаго душу, да Тя во веки славят», «Людем Божиим Светильник отъят ныне, и во тьме рыдаем», «Матерь Света, утоли печаль, последи луч Твоея благодати» (5-я песнь), «Бога призвал еси в скорби, Бога в радости славил еси, с Богом жизнь твоя отче бысть», «Но не забудем твоея памяти, не отступим от духа твоего, будем с тобою во веки», «Поем Тя благословенная Мати, Тя славословим в бесконечные веки» (7-я песнь), «Отъял еси от нас предстательство наше земное, Ангел наш к Тебе взыде, и от Божиих небес зрит души наша», «Веруем и исповедуем яко молитвенника обретохом в жизни нашей, и зовем твою молитву», «Пречистая Мати, Жезле Иесеев, буди нам жезл в странствии нашем, направи на путь во веки» (8-я песнь).

Биография епископа Варфоломея дается в этом каноне пунктиром, крупными мазками. Архимандрит Герман отмечает избрание его духовным отцом монашеского пути: «Монашескому деланию привлекл еси, Господи, к Тебе ныне отшедшаго и той бысть монах в вещь сем» (3-я песнь, 1-й тропарь). В другом месте автор канона соединяет в одном тропаре воспоминание о епископском служении духовного отца и о его наставничестве, причем последнее может трактоваться и как учительство в духовных школах, и как старческое руководство: «Святительского омофора бремя понесл еси бодренно и принесл еси церкви яко дар честен твоя ученики верныя» (4-я песнь, 1-й тропарь). В 6-й песни архимандрит Герман говорит о тюремном заключении почившего и о его кончине: «Страннаго, смертнаго, темничнаго Господь посети тя, от нас тех отторженнаго», «Не вемы Твоея могилы, не видехом трупа твоего, но дух наш с Тобою, и о душе твоей молимся». Своего рода как резюме биографической темы в каноне «К лику Христову стремятся добропобедные мученицы...» звучит следующий тропарь 7-й песни: «Бога призвал еси в скорби, Бога в радости славил еси, с Богом жизнь твоя отче бысть».

Примечательно, как тема молитвы трех отроков в печи вавилонской (Дан 3:25–45) преломляется в одном из тропарей 7-й песни данного канона: «Но не забудем твоея памяти, не отступим от духа твоего, будем с тобою во веки». Исповедание еврейских юношей об их верности Богу здесь переносится на «дух отца», пребывать в верности которому обещают духовные дети епископа Варфоломея устами автора канона.

Как мы отметили выше, канон «Закат нашего солнца» имеет продуманную структуру (рис. 2). Она отчасти предвосхищалась в каноне «К лику Христову стремятся добропобедные мученицы...», но теперь проведена более последовательно. Это касается, например, того, как автор обращается к биографии епископа Варфоломея: в «Закате нашего солнца» такое обращение становится одной из сквозных тем всего произведения. Рассмотрим структуру этого канона более пристально.

Как было сказано, его ирмосы посвящены мученикам. Исключение составляет ирмос 4-й песни, который носит биографический характер, отсылая нас к теме диссертации погибшего наставника. Первые тропари всех песен, как правило, посвящены вехам биографии епископа Варфоломея – избранию монашеского пути, принятию пострига, преподаванию в духовной академии, физическим немощам, пастырству «посреди столицы мира» и кончине: «Преподобный Сергей, сеяв семя Божие, насади обители иноков, и во едину от обителей пришел еси Отче преставльшийся, их труд и молитву восприял еси», «Воззрел еси на жизнь новых пустынножителей, их умиление и дух покаяния, и познал еси что есть монашеское житие» (3-я песнь, 1-й и 2-й тропари), «Восприяв имя преподобного отрока Варфоломея, наставлял еси отроки церковныя, да спасаются и да будут, аще мощно, иноки и пастыри Церкви» (4-я песнь), «Возлюбив Свет Христов, просвещение возвестил еси, истину божесловия, яко имел еси на то послушание Церкви» (5-я песнь), «Нося мощный дух в брэнном телеси, претерпел еси болезни многия, во страданиях радуясь и торжествуя одолением духа» (6-я песнь), «Чудно дело – яко посреди Столицы Мира возвещал еси Христову истину людям века сего, научал тех идти путем апостольским» (7-я песнь), «Плачем и рыдаем об Отце нашем, но и радуемся о блаженной кончине его, яко отыде ко Господу непорочен агнец посреде Столицы Мира» (9-я песнь).

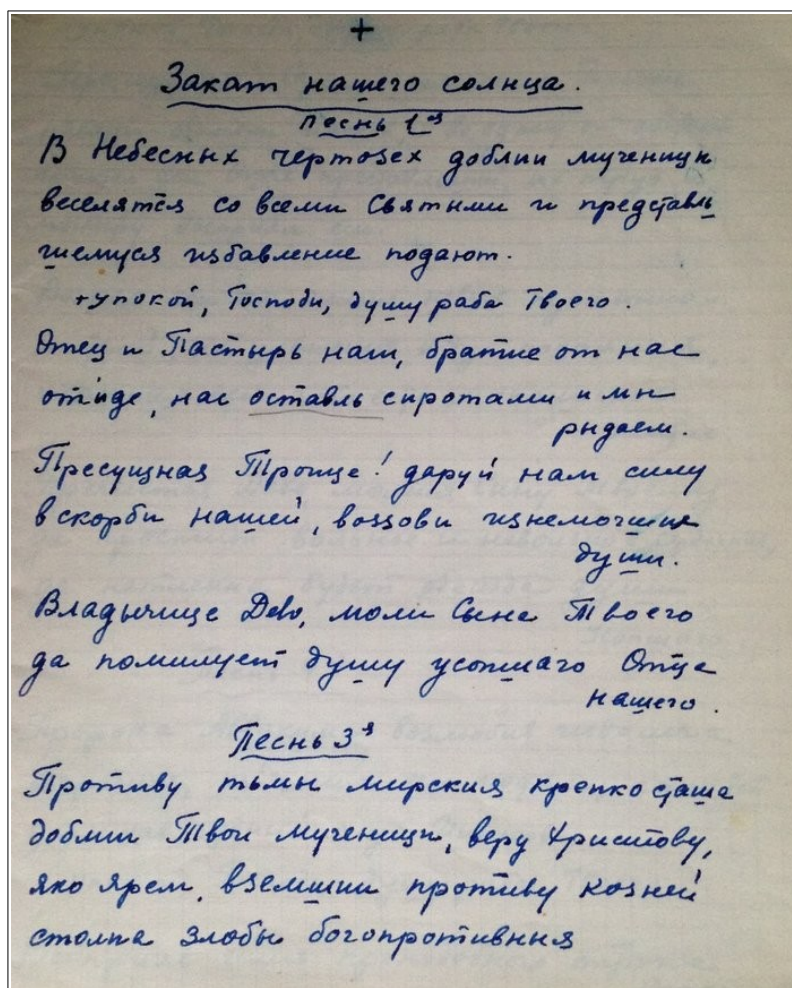

Рис. 2. Архимандрит Герман (Полянский). Канон «Закат нашего солнца». 1935–1936 гг.

Исключения составляют первые тропари 1-й и 8-й песен. Они содержат молитвенные прошения без привязки к фактам биографии епископа Варфоломея. Однако биографическую линию, как мы сказали, поддерживает ирмос 4-й песни, а также второй тропарь 3-й песни. Восьмая песнь как будто нарушает этот четкий тематический ритм. Биографическую линию поддерживает ее второй тропарь, являющийся одновременно и Троичным: «Тя Троице славим, единого Бога яко Твоею волею усопший пастырь пребысть посреде мира, яко огонь горя и яко цвет благоухай». А первый тропарь этой песни представляет собой молитву о духовном отце: «Тебе, Спасе, молимся, Твоего сладкаго причастия преставльшагося сподоби, да со Отцы своими всегда видит Свет Твой неизреченный».

При этом в других песнях рассматриваемого канона (за исключением третьей) именно вторые тропари содержат молитву о расстрелянном духовном отце и о его осиротевших духовных детях. К ним примыкают первые тропари 1-й и 8-й песен: «Отец и Пастырь наш, братие, от нас отиде, нас оставь сиротами, и мы рыдаем», «Пресущная Троице! даруй нам силу в скорби нашей, воззови изнемогшие души» (1-я песнь 1-й и 2-й тропари), «О тебе молимся, усопший Отче, твоей смерти умиляющийся, как скончался еси, внезапно, посреде Столицы мира» (4-я песнь), «Очисти и омый грехи поминаемого нами, буди тому, Отче, избавление и милость» (5-я песнь), «Господи, помилуй нас! вопием Ти по словеси пророка, и сами милости ищем, яко не имам пастыря ныне, и к Тебе прибегаем – Пастырю и Посетителю душ наших» (6-я песнь), «Ты научил еси нас, отче, яко о усопших неких молитва паче полезна молящимся неже усопшим, сего ради молимся о своих грехах в твоей памяти» (7-я песнь).

Линию молитвы об усопшем и его духовной семье развивают и Богородичны канона «Закат нашего солнца»: «Владычице Дево, моли Сына Твоего да помилует душу усопшаго

Отца нашего» (1-я песнь), «Пречитая Дево, молися Сыну Твоему да простит вольная и невольная сердечная, да нетленна будет одежда души усопшаго» (3-я песнь), «Чистая Дево, сокровище честнаго священства, миро Твоя милости и умиления принеси Сыну Твоему о рабе Твоем усопшем» (5-я песнь), «Умиленная Дево, пророки предображена честно, даруй нам силу, яко терпети не можем скорби, нашедшия на нас» (6-я песнь), «Слезю умиления Твоего ороси жаркую скорбь изсохших душ наших, Дево! буди нам Мати, Тебе молимся об отце нашем» (7-я песнь), «Молимся Пречистая Тебе – приими молитву нашу, буди нам щит и ограждение» (8-я песнь), «Пречистая Дево, Преподобный Сергей, св<ятыи> Апостол Варфоломей, и отцы обители Германовы, о тебе молятся, отче наш преставльшийся, и сретают душу твою смиренную у отверстых дверей райских» (9-я песнь).

Тем самым через текст канона «Закат нашего солнца» проходят три сквозные тематические линии: прославления мучеников, воспоминания основных вех биографии епископа Варфоломея, молитвы о погибшем и его духовных детях.

Обратим внимание на то, как архимандрит Герман вплетает в свой текст цитаты из других последований и изречения самого покойного владыки. Так, в ирмосе 3-й песни канона «Закат нашего солнца» мы видим аллюзии, с одной стороны, на последование панихиды, а с другой стороны – на ирмос 8-й песни трипеснца Страстной Пятницы: «Противу тьмы мирския крепко стаща доблии Твои мученицы, веру Христову, яко ярем, взялишии» (в последовании панихиды: «вси в житии крест яко ярем взялишии»), «противу козней столпа злобы богопротивныя» (в трипеснце Страстной Пятницы: «Столп злобы богопротивныя божественнии отроцы обличиша...»). Также мы видим аллюзию во втором тропаре (Троичном) 9-й песни разбираемого канона: «Радуюся и веселимся о Тебе, Троице Святая, яко несть для рабов Твоих смерть, но *преставление от злых и упокоение и радость*». Здесь присутствует скрытая цитата из третьей коленопреклоненной молитвы на вечерне дня Пятидесятницы: «Несть убо Господи, рабом Твоим смерть, исходящим нам от тела, и к Тебе Богу нашему приходящим, но *преставление от печальнейших на полезнейшая, и сладостнейшая, и на упокоение и радость*».

Помимо скрытых аллюзий на богослужебные тексты, в произведении архимандрита Германа присутствует и прямое указание на одну из мыслей покойного епископа. Во втором тропаре 7-й песни он пишет: «Ты научил еси нас, отче, яко о усопших неких молитва паче полезна молящимся неже усопшим, сего ради молимся о своих грехах в твоей памяти». Очевидно, речь идет о словах епископа Варфоломея в проповеди, сказанной в 1928 г. в сороковой день по кончине зосимовского старца иеросхимонаха Алексия (Соловьева). Запись ее сохранилась в составе высоко-петровского архива. В этой проповеди мысль епископа Варфоломея выражена следующим образом: «Молитва за старца будет полезна не только ему, <...> а нам она гораздо более нужна»⁹.

Необходимо также остановиться на одном из образов, встречающихся в каноне «Закат нашего солнца». Это выражение «посреди Столица мира», который мы видим в тропарях 4-й, 7-й и 9-й песен этого канона. Причем в некоторых случаях начертания нашей рукописи позволяют предположить, что с заглавных букв были написаны оба существительных: «О тебе молимся, усопший Отче, твоей смерти умиляющийся, как скончался еси, внезапно, *посреде Столицы мира*» (4-я песнь), «Чудно дело – яко *посреди Столицы Мира* возвещал еси Христову истину людям века сего, научал тех идти путем апостольским» (7-я песнь), «Плачем и рыдаем об Отце нашем, но и радуемся о блаженной кончине его, яко отыде ко Господу непорочен агнец *посреде Столицы Мира*» (9-я песнь).

Представляется, что этот образ может иметь два уровня толкования. В рамках первого – буквального или «географического», мы можем прочесть данное выражение как указание на столицу советской России – на Москву и на нахождение в центре города

⁹ Варфоломей (Ремов), архиеп. «Мы владеем всерадостной тайной». Слово о пастырях и учениках // Альфа и Омега. 2000. № 1 (23). С. 102. О письменном наследии архиепископа Варфоломея см. также: Варфоломей (Ремов), архиеп. Письма и автобиография // Альфа и Омега. 1996. № 2/3 (9/10). С. 353–378; Варфоломей (Ремов), архиеп. Из духовного наследия // Альфа и Омега. 1998. № 4 (18). С. 119–133; Варфоломей (Ремов), архиеп. «Благоговейный путь». Слово о духовном восхождении // Альфа и Омега. 2000. № 2 (24). С. 146–159.

Высоко-Петровского монастыря и тех храмов, куда после его окончательного закрытия переходили петровские отцы (преподобного Сергия на Большой Дмитровке и Рождества Богородицы в Путинках). В рамках второго уровня мы переключаем наше внимание на слово «мир» (которое с большой вероятностью в оригинале писалось как «мір»). И тогда перед нами предстает образ Москвы как столицы мира сего, как средоточия мирского, богоборческого начала – нового Вавилона.

Последнее прочтение поддерживают и другие выражения этого канона, включающие тот же предлог («посреде») и существительное или прилагательное с корнем «мир». Например: «Тя Троице славим, единого Бога, яко Твоею волею усопший пастырь пребысть *посреде мира*, яко огонь горя и яко цвет благоухаяй» (8-я песнь), «Халдейские дети, первии мученицы Небесного Царя, вы быша нам образ Света Божия *посреде тьмы мирския*» (7-я песнь). Примечательно, что – как видно из двух последних примеров – пребывание «посреде (тьмы) мира» сопрягается с образом света, исходящего от Бога или от праведника. Но, кроме того, пребывание посреди мира ассоциируется и с образом трех отроков, брошенных в печь царем Навуходоносором (Дан 3). Следовательно, сам «мир» и «столица мира» отождествляются с печью вавилонской, в которой находился при жизни пастырь и продолжает находиться его община.

В этом отношении характерен еще один тропарь канона «Закат нашего солнца»: «*Противу тьмы мирския* крепко стаща доблии Твои мученицы, веру Христову, яко ярем, вземшии *противу козней столпа злобы богопротивныя*» (3-я песнь). Как было показано выше, последний отмеченный нами образ является отсылкой к ирмосу 8-й песни Страстной Пятницы, в котором как раз и вспоминается подвиг трех отроков («*Столп злобы богопротивныя, божественнии отроцы обличаща...*»). Тем самым идея противостояния «мирской тьме» здесь объединена с образом трех отроков и их пребывания среди пламени, бессильном, впрочем, им повредить.

Нужно отметить, что обращение к образу трех отроков в печи вавилонской и отождествление с ним собственного жизненного пути было характерно в целом для самосознания высоко-петровских тайных монашеских общин. Ярчайший пример таких обращения и отождествления мы находим в одном из писем из заключения другого известного наставника петровских общин – схиархимандрита Игнатия (Лебедева). В августе 1937 г. он писал своим духовным детям: «...а в общем – песнь VII 3-х отроков (см. [службы] 2, 3, 4 суббот Великого Поста). <...> Надежды на избавление с человеческой точки зрения почти нет, а “у Бога – вся возможна суть!” Так верили и 3 отрока, яже о Азарии, иже попраша пламень дерзновенно»¹⁰. В последованиях служб упоминаемых отцом Игнатием суббот Великого Поста, помимо молитв об усопших, прославляется подвиг мучеников-христиан, по отношению к которому исповедание библейских отроков имеет прообразовательный характер. Тем самым в сознании наставников и членов высоко-петровских общин выстраивалась следующая цепочка: «отроки яже о Азарии» – мученики первых веков христианской эры – христиане советской эпохи, в том числе сами члены петровских общин. Причем особенным образом акцентировалась связь первого и последнего звеньев этой цепи: самосознание, выраженное в молитве и песни трех отроков, разделялось членами тайных монашеских общин XX в.

Гимнографическое поминовение погибших наставников, начатое архимандритом Германом в середине 1930-х гг., значительно позднее, на рубеже 1970–1980-х гг., было продолжено еще одним членом высоко-петровских монашеских общин, духовной дочерью упомянутого выше схиархимандрита Игнатия (Лебедева) – монахиней Игнатией (Пузик; 1903–2004)¹¹. В это время она составила канон в память о своем скончавшемся в заключении духовном руководителе (рис. 3). Он дошел до нас в машинописи с авторской рукописной

¹⁰ Игнатий (Лебедев), схиархим. Письма из заключения // Игнатия, мон. Старчество на Руси... С. 294. Подчеркивание в цитате принадлежит автору письма.

¹¹ О ней см.: Беглов А.Л. Наука как послушание. Монахиня Игнатия (Валентина Ильинична Пузик) (1903–2004) // Судьбы творцов российской науки и культуры: коллективная монография. М., 2022. Т. 8. С. 352–366.

правкой. Этот канон стал первым гимнографическим произведением монахини Игнатии, за которым последовали другие, в том числе вошедшие в богослужебный обиход Русской православной церкви. Знакомство с канонами архимандрита Германа, по признанию монахини Игнатии, было для нее стимулом при написании ее собственного канона. Говорить же о прямом их влиянии на это более позднее произведение, как представляется, можно лишь в ограниченной степени. Отметим, что канон, написанный монахиней Игнатией, был известен ее ближайшему окружению, но мы ничего не знаем о реакции на этот текст других членов высоко-петровских монашеских общин.

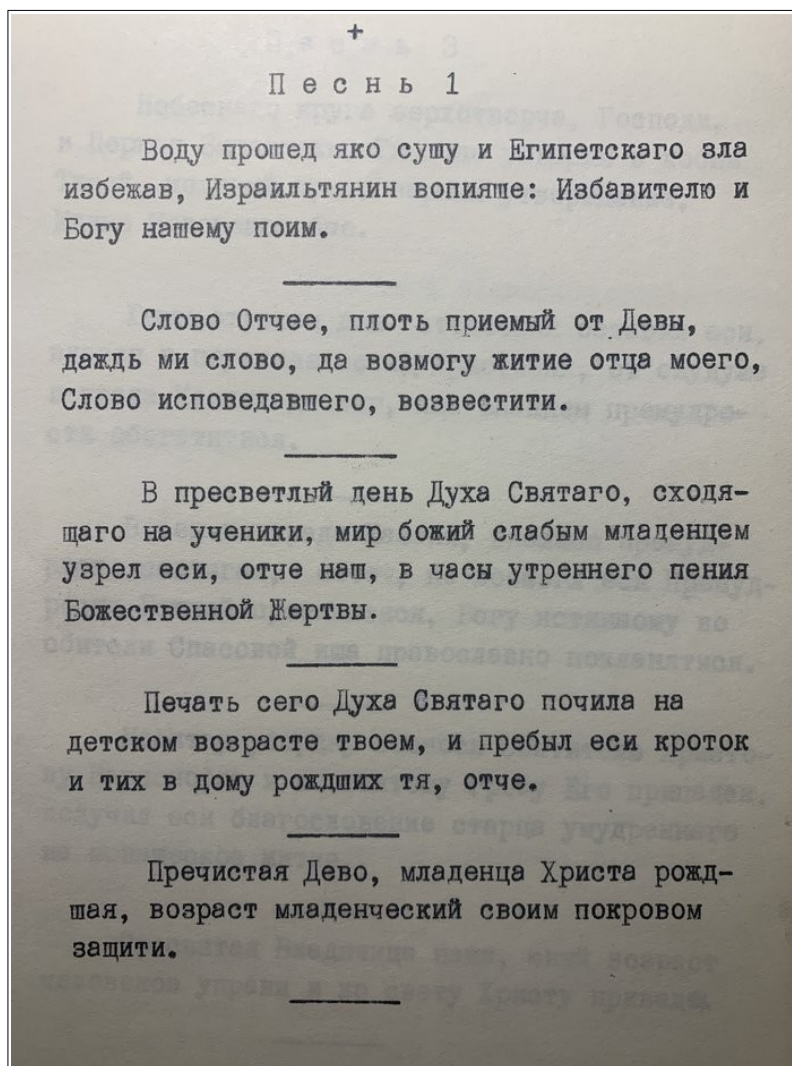

Рис. 3. Монахиня Игнатия (Пузик). Канон памяти схиархимандрита Игнатия (Лебедева). Конец 1970-х – начало 1980-х гг.

Ирмосы этого произведения заимствованы из молебного канона к Пресвятой Богородице восьмого гласа («Воду прошел яко сушу и египетскаго зла избежав...»). Предпочтительный припев автором канона не указан. После ирмосов в песнях с первой по восьмую следуют по четыре тропаря, последний тропарь – Богородичен. Девятая песнь состоит из пяти тропарей. В каноне памяти схиархимандрита Игнатия последовательно проведена биографическая линия (что является параллелью к биографической линии в разобранном выше каноне «Закат нашего солнца»). Все тропари канона монахини Игнатии, кроме Богородичных, последовательно излагают биографию ее наставника. Собственно, это житие, облеченное в гимнографическую форму. Монахиня Игнатия прямо ставит перед собой эту задачу: «Слово Отчее, плоть приемый от Девы, даждь ми слово, да возмогу житие отца моего, Слово исповедавшего, возвестити».

Каждая песнь ее канона описывает тот или иной этап жизни схиархимандрита Игнатия: первая – рождение и детство, третья – юность и студенчество, четвертая – избрание монашеского пути и постриг, пятая – рукоположение и переселение в Москву после закрытия Зосимовой пустыни, шестая – духовное наставничество в столице, седьмая – арест и этапирование к месту заключения, восьмая – заключение и девятая – кончину. В последних двух песнях монахиня Игнатия практически в каждом тропаре цитирует, прямо указывая на это, письма духовного отца из заключения¹². Примечательно, что и Богородичны каждой песни вписаны в эту тематическую линию. Содержание каждого из них связано с темой соответствующей песни: в первой песни, где повествуется о рождении и детстве отца Игнатия, Богородица призывается к молитве о «возрасте младенческом»; в третьей речь идет об отрочестве и студенческих годах будущего пастыря, и Богородица призывается к молитве о юношах; в четвертой песни говорится об избрании монашеского пути и постриге, и Богородица призывается укрепить «иноческий подвиг подъявших» и т.д. Тема подвига мучеников в этом каноне отсутствует.

Монахиня Игнатия осторожно подбирает выражения, описывая обстоятельства жизни духовного отца, обусловленные репрессивными действиями властей. Это может быть вызвано как все еще имевшими место во время написания канона соображениями безопасности, понуждавшими не говорить прямо о подобного рода событиях, так и затруднениями, с которыми столкнулся автор при описании реалий XX в. на церковно-славянском языке и при облечении их в гимнографическую форму¹³. Так, о домашнем аресте духовного отца говорится, что он «обрелся еси от стада твоего уединен». Последовавший затем окончательный арест описывается как «изъятие» «от возлюбленных чад», и только о заключении в тюрьму прямо говорится как о пребывании «во уединенной больнице темничной»¹⁴. Описывая этапирование отца Игнатия к месту заключения в октябре 1935 г., монахиня Игнатия говорит, что он «во дни, хладу наставшу, град наш покинул еси» и «скорбный путь шествовал еси». О самом заключении в лагерь в ее каноне говорится как об «изгнании». Слово это в данном контексте употребляется дважды («достиг места изгнания своего» и «терпя во изгнании обиды и поношения»).

Отметим, что та же проблема (описание реалий новейшего времени языком традиционной гимнографии) решалась и архимандритом Германом. Причем решалась довольно радикально: он смело вводил русскую лексику, лишь слегка славянизированную, в текст своего канона «К лику Христову стремятся добропобедные мученицы...»¹⁵. Особенно яркие примеры этого мы видим в 6-й песни: «Странного, смертного, темничного Господь посети тя, от нас... отторженного», «Не вемы Твоя могилы, не видехом трупа твоего, но дух наш с Тобою, и о душе твоей молимся». Думается, что прилагательное «смертного» в первом из этих примеров является переосмыслением существительного «смертник», т.е. «приговоренный к смерти». В таком случае три эпитета, с которых начинается данный тропарь, могут быть истолкованы как «изгнанного, приговоренного к смерти, заключенного в тюрьму».

В контексте обсуждаемой проблемы обращает на себя внимание и второй тропарь 9-й песни того же канона отца Германа: «Господь и Владыко, жизни подателю, да будет смерть сия вечное упокоение и радость отцу нашему». Мы предполагаем, что выражение «смерть сия» здесь указывает на образ смерти, которым была прервана жизнь епископа Варфоломея, т.е. на расстрел. Если это так, то автор канона молится о том, чтобы мученическая кончина его духовного отца стала залогом его вечного упокоения и радости.

¹² Ср.: Игнатий (Лебедев), схиархим. Письма из заключения... С. 214–315.

¹³ Об этой проблеме см.: Кравецкий А.Г. Литургический XX век... С. 12–17; Хайлова О.И. «Наследие святого помогает гимнографу создать его точную словесную икону» [Электронный ресурс] // Патриархия.ру. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5771521.html> (дата обращения: 14.03.2025).

¹⁴ Отметим, что появление последнего слова в данном произведении с большой вероятностью было обусловлено присутствием его в тексте Священного Писания. Ср., например: Деян 16:23–24, 27, 36.

¹⁵ Наличие такого рода мест именно в этом каноне может быть дополнительным аргументом в пользу его более раннего составления.

Рассмотренные нами гимнографические произведения из архива тайных монашеских общин Высоко-Петровского монастыря позволяют сделать несколько важных наблюдений, раскрывающих внутренний мир как членов общин, так и в целом петровских прихожан. Прежде всего, все три канона являются ярким свидетельством почитания погибших духовных наставников. Гимнографическое воспевание их памяти, пусть и насыщенное прошениями об упокоении, являлось первым шагом на пути их прославления как святых. Особенно ярко это видно в канонах памяти архиепископа Варфоломея, в которых молитва об усопшем соединяется с молитвой мученикам¹⁶, а значит и сам усопший сближается с ними, чему способствует и по-настоящему мученическая его кончина. Образ самого владыки Варфоломея в этих канонах – важное свидетельство его почитания и признания его роли в жизни петровских общин. Важно отметить, что каноны отца Германа были известны духовным детям разных высоко-петровских отцов, т.е. были общим достоянием петровских общин. Это еще раз подчеркивает единство этих общин, проявлявшееся, в том числе, и в молитвенной памяти о почивших наставниках, прежде всего об архиепископе Варфоломее. При этом сама молитвенная память о наставниках становилась частью общей идентичности высоко-петровских постриженников и прихожан. Кроме того, рассматриваемые произведения демонстрируют глубокое проникновение их авторов в художественный мир православного богослужения, что позволило им облекать собственные личные переживания в традиционные гимнографические формы.

Приложение

Гимнографические произведения, посвященные памяти погибших наставников, из архива тайных монашеских общин Высоко-Петровского монастыря

Ниже мы публикуем рассмотренные гимнографические произведения по упомянутым спискам. Без оговорок нами исправлены явные ошибки переписчика (в частности, исправлены «представльшийся» на «преставльшийся», «страшнаго» на «страннаго», «солнце омрачашаяся» на «солнце омрачаешся» и т. п.). В остальном написание и языковые особенности оригиналов переданы без изменений. Названия произведений даны нами, за исключением названия канона № 2.

№ 1

Архимандрит Герман (Полянский)

Канон «К лику Христову стремятся добропобедные мученицы...»

†

Песнь 1-я

К лику Христову стремятся добропобеднии мученицы, быша тому сопричастницы Креста.

+ Упокой, Господи, душу раба Твоего.

Церкви Божия Святильника и Отца нашего поминаем братие, молящся о спасении души его.

Благодатию Божиею озарен быв, прослави и сей имя Твое, обаче отпусти ему человеческая.

Святых мучеников радость и апостолов честь и слава, Дево Благодатная, о нас молися.

Песнь 3-я

Путь жизни и путь смерти предложи вам, святии мученицы, и вместо смерти – жизнь вечную себе избрасте.

+ Упокой, Господи, душу раба Твоего.

¹⁶ Что в принципе характерно для православного богослужения. Ср. упоминавшиеся выше богослужения второй, третьей и четвертой суббот Великого Поста.

Монашескому деланию привлекл еси, Господи, к Тебе ныне отшедшаго и той бысть монах в вещь сем.

Юности прегрешения прости, Господи, преставльшемуся, немощи и поползновения.

Пресвятая Госпоже Богородице, упование осиротелым людям, облегчи скорбь нашу Твоими молитвами.

Песнь 4-я

Враг смущаше церковь лютыми прельщенми и лукавыми оболщенми, вы же свящленно-мученицы тому противу сташе.

+ Упокой, Господи, душу раба Твоего.

Святительского омофора бремя понесл еси бодренно и принесл еси церкви яко дар честен твои ученики верныя.

Рыдания наша услыши, Человеколюбче, яко терпети не можем разлучения сего: се бо и солнце самое не красно ныне нам.

Оружием печали уязвлена, Пресвятая Дево, на Крест Сына Твоего взирала еси, егда солнце омрачашеся и тварь вся трепеташа.

Песнь 5-я

Светлых мученик поем память в молитве умиленной.

+ Упокой, Господи, душу раба Твоего.

Светом Твоим озари усопшаго душу, да Тя во веки славят.

Людем Божиим Светильник отъят ныне, и во тьме рыдаем.

Матерь Света, утоли печаль, посли луч Твоея благодати.

Песнь 6-я

Бездною страданий обуреваемии, доблии мученицы, ко Господу воззвасте и спасе Вас.

+ Упокой, Господи, душу раба Твоего.

Страннаго, смертнаго, темничнаго Господь посети тя, от нас тех¹⁷ отторженнаго.

Не ведем Твоея могилы, не видедем трупа твоего, но дух наш с Тобою, и о душе твоей молимся.

Милости бездну рождающая, Дево Пресвятая, буди нам радость в печали, беды избавительница от лютых зол.

Песнь 7-я

Посреде огня ввержени вавилонстии отроцы Троицу светло прославиша.

+ Упокой, Господи, душу раба Твоего.

Бога призвал еси в скорби, Бога в радости славил еси, с Богом жизнь твоя отче бысть.

Но не забудем твоя памяти, не отступим от духа твоего, будем с тобою во веки.

Поем Тя, благословенная Мати, Тя славословим в бесконечные веки.

Песнь 8-я

Приял еси терпение святых, Господи, приими и нашу скорбную молитву, хвалимый во веки.

+ Упокой, Господи, душу раба Твоего.

Отъял еси от нас предстательство наше земное, Ангел наш к Тебе взыде, и от Божиих небес зрит души наша.

Веруем и исповедуем яко молитвенника обретохом в жизни нашей, и зовем твою молитву.

Пречистая Мати, Жезле Иисеев, буди нам жезл в странствии нашем, направи на путь во веки.

¹⁷ Скорее всего, следует читать: «тем», т.е. «отторженного заключением».

Песнь 9-я

Святых мучеников, благодатного страдания восприемше милость, молимся о усопшем.
+ Упокой, Господи, душу раба Твоего.

Святой Крепкий, последи утешение, облегчи изнемогшия души и укрепи их.

Господь и Владыко, жизни подателю, да будет смерть сия вечное упокоевание и радость отцу нашему.

Тя, Богородице, воспеваем и славим избранную от всех родов, Имя Твое величаем.

№ 2

Архимандрит Герман (Полянский)

Канон «Закат нашего солнца»

†

ЗАКАТ НАШЕГО СОЛНЦА

Песнь 1-я

В небесных чертозах доблии мученицы веселятся со всеми Святыми и преставльшимся избавление подают.

+ Упокой, Господи, душу раба Твоего.

Отец и Пастырь наш, братие, от нас отъиде, нас оставь сиротами и мы рыдаем.

Пресущная Троице! даруй нам силу в скорби нашей, воззови изнемогшия души.

Владычице Дево, моли Сына Твоего да помилует душу усопшаго Отца нашего.

Песнь 3-я

Противу тьмы мирския крепко стаща доблии Твои мученицы, веру Христову, яко ярем, вземшии противу козней столпа злобы богопротивныя.

+ Упокой, Господи, душу раба Твоего.

Преподобный Сергей, сеяв семя Божие, насади обители иноков, и во едину от обителей пришел еси Отче преставльшийся, их труд и молитву восприял еси.

Воззрел еси на жизнь новых пустынножителей, их умиление и дух покаяния, и познал еси что есть монашеское житие.

Пречистая Дево, моли Сыну Твоему да простит вольная и невольная сердечная, да нетленна будет одежда души усопшаго.

Песнь 4-я

Пророка Аввакума возлюбив издавеча озарения, изъяснил еси людям, како той услышав чудный слух Иисусов.

+ Упокой, Господи, душу раба Твоего.

Восприяв имя преподобного отрока Варфоломея, наставлял еси отроки церковныя, да спасаются и да будут, аще мощно, иноки и пастыри Церкви.

О тебе молимся, усопший Отче, твоей смерти умиляющийся, как скончался еси внезапно, посреде Столицы мира.

Чудная Дево, Горо Святая, из Тебе изыде Святой от Юга Бог, спасаяй души наша.

Песнь 5-я

Светом Христовым озарени доблии мученицы, Свет Христов в мире принесоша, проливши крови ваша, и быше Тому священная жертва.

+ Упокой, Господи, душу раба Твоего.

Возлюбив Свет Христов, просвещение возвестил еси, истину богословия, яко имел еси на то послушание Церкви.

Очисти и омой грехи поминаемого нами, буди тому, Отче, избавление и милость.

Чистая Дево, сокровище честнаго священства, миро Твоея милости и умиления принеси Сыну Твоему о рабе Твоем усопшем.

Песнь 6-я

Претерпесте болезни горькия святии мученицы, стасте противу мирския власти, егда понуждаху вас Христа отступити.

+ Упокой, Господи, душу раба Твоего.

Нося мощный дух в брennom телеси, претерпел еси болезни многия, во страданиях радуяся и торжествуя одолением духа.

Господи, помилуй нас! вопием Ти по словеси пророка, и сами милости ищем, яко не имам пастыря ныне, и к Тебе прибегаем – Пастырю и Посетителю душ наших.

Умиленная Дево, пророки предображена честно, даруй нам силу, яко терпети не можем скорби, нашедшия на нас.

Песнь 7-я

Халдейские дети, первии мученицы Небеснаго Царя, вы быша нам образ Света Божия посреде тьмы мирския.

+ Упокой, Господи, душу раба Твоего.

Чудно дело – яко посреди Столицы мира возвещал еси Христову истину людям века сего, научал тех идти путем апостольским.

Ты научил еси нас, отче, яко о усопших неких молитва паче полезна молящимся неже усопшим, сего ради молимся о своих грехах в твоей памяти.

Слезой умиления Твоего ороси жаркую скорбь изсохших душ наших, Дево! буди нам Мати, Тебе молимся об отце нашем.

Песнь 8-я

Молитвою вооружившеся доблии мученицы, сташа крепко, до конца непоколебими ниже уничижаемы.

+ Упокой, Господи, душу раба Твоего.

Тебе, Спасе, молимся, Твоего сладкаго причастия преставльшагося сподоби, да со Отцы своими всегда видит Свет Твой неизреченный.

Тя Троице славим, единого Бога яко Твоею волею усопший пастырь пребысть посреде мира, яко огонь горя и яко цвет благоухай.

Молимся Пречистая Тебе – прими молитву нашу, буди нам щит и ограждение.

Песнь 9-я

Вечным венцем венчаются святии мученицы, быша Христови друзи искреннии.

+ Упокой, Господи, душу раба Твоего.

Плачем и рыдаем об Отце нашем, но и радуемся о блаженной кончине его, яко отыде ко Господу непорочен агнец посреде Столицы мира.

Радуемся и веселимся о Тебе, Троице Святая, яко несть для рабов Твоих смерть, но преставление от злых и упокоевание и радость.

Пречистая Дево, Преподобный Сергей, св[ятый] Апостол Варфоломей, и отцы обители Германовы, о тебе молятся, отче наш преставльшийся, и сретают душу твою смиренную у отверстых дверей райских.

№ 3

Монахиня Игнатия (Пузик)

Канон памяти схиархимандрита Игнатия (Лебедева)

†

Песнь 1

Воду прошед яко сушу и Египетскаго зла избежав, Израильтянин вопияше: Избавителю и Богу нашему поим.

Слово Отчее, плоть приемый от Девы, даждь ми слово, да возмогу житие отца моего, Слово исповедавшего, возвестити.

В пресветлый день Духа Святого, сходящего на ученики, мир божий слабым младенцем узрел еси, отче наш, в часы утреннего пения Божественной Жертвы.

Печать сего Духа Святого почил на детском возрасте твоём, и пребыл еси кроток и тих в дому рождших тя, отче.

Пречистая Дево, младенца Христа рождшая, возраст младенческий своим покровом защити.

Песнь 3

Небесного круга верховотворче, Господи, и Церкви Зиждителю, Ты мене утверди в любви Твоей, желаний краю, верных утверждение, Едине Человеколюбче.

Юным отроком дом отеческий оставил еси, вдався в поучение истин Христовых, отъонудуже и града Казани достиг, ища знанием премудрости обогатиться.

В сем же граде Казани, внешнюю премудрость постигая, отче, не возмогл еси Премудрости Божией противиться, Богу истинному во обители Спасовой ища православно поклоняться.

Молитву усердну вознося Святителю Христову Варсонофию и ко святому гробу Его припадая, получил еси благословение старца умудренного на монашеское житие.

Пресвятая Владычице наша, юный возраст человеков управи, и ко свету Христу приведи.

Песнь 4

Услышах, Господи, смотрения твоего таинство, разумех дела Твоя, и прославих Твое Божество.

Возлюбив путь тебе благословенный, отче, во обитель Зосимову устремился еси, ища припасть источнику старчества богомудраго; начальником же духовным принят бысть во инокующих число.

Старческим учениям покоряся, сосуд Богу сердце твое и житие устраивал еси, в трудах многих и послушаниях тело твое удручая, отче.

По прошествии лет неких честный образ пострижения монашеского приял еси, имя преподобного Агафона усвоив и тому молитвенно припадая, в Дусе Святом утешение принимал еси.

Мати неизреченного Света, всех Христа возлюбивших и иноческий подвиг подъявших, в трудах и шествии к Богу укрепи.

Песнь 5

Просвети нас повелении Твоими, Господи, и мышцею Твоею высокою, Твой мир подаждь нам, человеколюбче.

Таинству священства сподобився, во страхе безкровную Жертву совершал еси, в душе возрастая и укрепляясь, телесною же немощию обдержался еси, отче наш.

Смотрение Божие и Любовь Его поставляет тя во граде столичном нести послушание твое. Ты же со многими слезами пустыни разлучився, со усердием пути Божию припал еси.

Телесные озлобления терпя, странничество и прочия утеснения, поставлен был еси светильник, да светишь путь истинный, насущный – во граде великом спасения ищущим.

Заступнице Усердная, всех людей полезная устрояюще, истинные светильники Слова поддержи и сохрани.

Песнь 6

Молитву пролию ко Господу, и Тому возведу печали моя, яко зол душа моя исполнися, и живот мой аду приблизися: и молюся яко Иона: от тли, Боже, возведи мя.

Многим мужам и женам путь Господень указуя, содеялся еси, отче, яко един от древних отцев – и испиша людие во многообразии и множестве – что есть истинного спасения сладость. Ты же, отче наш милостивый, труждаяся, день ото дня силы телесными ослабевал еси.

Юных душ, любовью ко Христу горящих, истинным аввою соделался еси, Христу сочетавая, смирению же поучая, истинному послушанию и духовному о жизни мудрованию, о, отче наш.

Телесному недугу подпад и болезням умножившимся, сугубые обеты Господу воздати восхотел еси. Сего ради и чин схимы прием, именованя священномученика Богоносца сподобился еси, отче наш.

Безвестная Мати, промысления о людех Твоих не остави и истинных рабов Твоих в подвизе добре соверши.

Песнь 7

От Иудеи дошедшие отроцы, в Вавилоне иногда, верою Тройческою пламень пещный попраша, поюще: отцев Боже, благословен еси.

Тако по вся дни труждаяся о Господе, отче наш, реки же чад церковных напаяй и утешай, обрелся еси от стада твоего уединен, и в малой келлии твоей словесы святых отец утешался еси.

Изъят посем от чад твоих возлюбленных, братий же и отец, во уединенной больнице темничной Христа Воскресшаго славословя, радость прием, яковой николиже прежде позна, еже Христа ощутити и видети.

Во дни, хладу наставшу, град наш покинул еси, отче, скорбя и стена, болезни ради и стеснения, таже никогоже от возлюбленных узрев, скорбный путь шествовал еси.

Помощница наша и покровительнице, Дево Мария, в час скорби и испытания не остави нас.

Песнь 8

Царя Небеснаго, Егоже поют вои ангельстии, хвалите и превозносите во вся веки.

Достиг места изгнания своего и слезы уставив, о, отче, ко Господу взывая, рекл еси: «с Богом везде хорошо, и на Фаворе, и на Голгофе... и сего никтоже отъимет».

Терпя во изгнании обиды и поношения, болезнями утесняемый, в велицем недуге на одре слежа, во умилении восклицал еси: «Господь всех краше, всех слаще, всех дороже» и прочее подобне в скорби утешался еси.

Узрев посетившую тя ближнюю твою, виноградом Божиим нарек возлюбленное стадо свое, чад своих, и заповедь оставил – «стремиться к горнему, касаясь дольняго поколику того требует телесная нужда».

Владычице всеблагая, на люди Твоя умилосердися и ризою Твоею скорбящая ны защити.

Песнь 9

Воистину Богородицу Тя исповедуем, спасеннии Тобою, Дево Чистая, с безплотными лики Тя величающе.

Недугом усилившимся, не оставлял еси проповеди Слова, отче наш страждующий. «Нам радость и веселие сердца», взывал еси «исповедывать Господа Иисуса Христа во плоти пришедша». «В сем – вся суть и цель нашей жизни», вещал еси.

Возлег на одр скорбный, одр смертный, ко Господу вопиял еси: «Слава Тебе, Христе Боже, апостолов похвало и мучеников веселие, ихже проповедь Троице Единосущная». Сам Слова Христа Бога исповедник истинный являясь.

Кончине жития приближившейся и скорби велией объявшей сердце твое, отче, во одиночестве взывал еси, печатлея волю твою последнюю: «Мир дальним, мир ближним, мир всем любителем сего мира носителем... к сему миру хочу отъити и этот мир оставляю вам, этот мир...»

В Царстве Христовом жития некончаемого, в свете Лица Христова нас, чад своих, не оставь, честный отче, нашу немощь и нашу болезнь присно взыскуючи.

Пречистая Дево Мати, в Царстве Сына Твоего пребывающе, не забудь ны, чтущии Тя, управи и ко спасению утверди.

Литература

Андроник (Трубачев), игум. Гимнографическая деятельность Русской Православной Церкви после восстановления Патриаршества (1917–1988) // Альфа и Омега. 2007. № 2 (49). С. 285–302.

Афанасий (Стрельцов), иеромон. Гимнографическое наследие митрополита Никодима (Ротова) [Электронный ресурс] // Богослов.ру. Научный богословский портал. URL: <https://bogoslov.ru/article/5607985> (дата обращения: 13.03.2025).

Балашова Е.Г. Новые сведения о пострадавших в годы гонений на Церковь в СССР в 1920–1930-е гг. (по материалам Высоко-Петровского монастыря г. Москвы) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2017. Т. 16, № 3. С. 414–428.

[Беглов А.] Жизненный путь архиепископа Варфоломея // Альфа и Омега. 1998. № 4 (18). С. 119–129.

Беглов А.Л. Архиепископ Варфоломей (Ремов): Argumentum advocati Dei. Настоятель Высоко-Петровского монастыря по материалам архивов его прихожан // Церковь в истории России. М., 2003. Вып. 5. С. 222–240.

Беглов А.Л. Герман (Полянский), преподобномученик, архимандрит // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 11. С. 228–229.

Беглов А.Л. Аскетическая письменность эпохи гонений как система маргиналий // Альфа и Омега. 2009. № 1 (54). С. 119–133.

Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2018. 352 с.

Беглов А. Человек и история в эпоху катастрофы. Саморефлексия руководителя тайных монашеских общин 1920–1930-х годов // Вера и личность в меняющемся обществе. Автобиография и православие в России конца XVII – начала XX века. М.: НЛЮ, 2019. С. 340–358.

Беглов А.Л. Наука как послушание. Монахиня Игнатия (Валентина Ильинична Пузик) (1903–2004) // Судьбы творцов российской науки и культуры: коллективная монография. М.: Галлея-Принт, 2022. Т. 8. С. 352–366.

Беглов А.Л. Архив тайных монашеских общин Высоко-Петровского монастыря: история формирования и состав [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2023. № 2 (28). С. 59–73. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-2-05.pdf> (дата обращения: 03.03.2025).

Беглов А.Л. Самиздат в составе архива тайных монашеских общин Высоко-Петровского монастыря в Москве (1920–1950-е годы). К вопросу о феномене церковного самиздата [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2024. № 2 (34). С. 79–98. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-2-06.pdf> (дата обращения: 03.03.2025).

Беглов А.Л. Тайные монашеские общины советского периода. Проблемы типологии // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2022. Вып. 108. С. 126–151.

Варфоломей (Ремов), архиеп. «Благоговейный путь». Слово о духовном восхождении // Альфа и Омега. 2000. № 2 (24). С. 146–159.

Варфоломей (Ремов), архиеп. Из духовного наследия / подгот. текста, публ., вступит. статья и примеч. А.Л. Беглова // Альфа и Омега. 1998. № 4 (18). С. 119–133.

Варфоломей (Ремов), архиеп. «Мы владеем всерадостной тайной». Слово о пастырях и учениках / подгот. текста, публ., вступит. заметка и коммент. А.Л. Беглова // Альфа и Омега. 2000. № 1 (23). С. 87–108.

Варфоломей (Ремов), архиеп. Письма и автобиография / подгот. текста, публ., вступ. заметка и примеч. А.Л. Беглова // Альфа и Омега. 1996. № 2/3 (9/10). С. 353–378.

Игнатия (Петровская), мон. Высоко-Петровский монастырь в 20–30-е годы / подгот. текста, публ., вступит. заметка и примеч. А.Л. Беглова // Альфа и Омега. 1996. № 1 (8). С. 114–135.

Игнатия, мон. Старчество в годы гонений. Преподобномученик Игнатий (Лебедев) и его духовная семья / подгот. текста, публ., предисл. и коммент. А.Л. Беглова. М.: Издательство Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2001. 352 с.

Игнатия, мон. Старчество на Руси / подгот. текста, публ., предисл. и примеч. А.Л. Беглова. М.: Издательство Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1999. 320 с.

[Кравецкий А.Г.] Литургический самиздат советского времени // Кравецкий А., Потехина Е. Минеи: образец гимнографической литературы и средство формирования мировоззрения православных. Olsztyn, 2013. С. 29–32.

Кравецкий А.Г. Литургический самиздат XX века: языковые особенности и проблемы рецепции // *Latopisy Akademii Supraskiej*. Vol. 3. Język naszej modlitwy – dawniej I dziś. Pod redakcją Urszuli Pawluczuk. Białystok, 2012. S. 85–94.

Кравецкий А.Г. Литургический XX век // Вода живая. 2019. № 4 (апрель). С. 12–17.

Хайлова О.И. «Наследие святого помогает гимнографу создать его точную словесную икону» [Электронный ресурс] // Патриархия.ру. 12 февраля 2021 г. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5771521.html> (дата обращения: 14.03.2025).

References

Afanasiy (Strel'tsov), monk-priest. *Gimnograficheskoe nasledie mitropolita Nikodima (Rotova)* [Hymnographic Heritage of Metropolitan Nicodemus (Rotov)]. In *Bogoslov.ru. Nauchnyy bogoslovskiy portal*. Available at: URL: <https://bogoslov.ru/article/5607985> (date of access 13.03.2025).

Andronik (Trubachev), hegumen (2007). *Gimnograficheskaya deiatel'nost' Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi posle vosstanovleniya Patriarshestva (1917–1988)* [Hymnographic Activity of the Russian Orthodox Church after the Restoration of Patriarchy (1917–1988)]. In *Al'fa i Omega*. No. 2 (49), pp. 285–302.

Balashova, E.G. (2017). *Novye svedeniya o postradavshikh v gody goneniy na Tserkov' v SSSR v 1920–1930-e gg. (po materialam Vysoko-Petrovskogo monastyrya g. Moskvy)* [New Information about the Victims of the Persecution of the Church in the USSR in the 1920s and 1930s (Based on the Materials of the Vysoko-Petrovsky Monastery in Moscow)]. In *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. Vol. 16, No. 3, pp. 414–428.

Beglov, A. (2018). *V poiskakh “bezgreshnykh katakomb”*. *Tserkovnoe podpol'e v SSSR* [In Search of “Ideal Church Catacombs”. The Church Underground in the USSR]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). 352 p.

[Beglov, A.] (1998). *Zhiznenny put' arkhiepiskopa Varfolomeya* [The Life Path of Archbishop Bartholomew]. In *Al'fa i Omega*. No. 4 (18), pp. 119–129.

Beglov, A. (2019). *Chelovek i istoriya v epokhu katastrofy. Samorefleksiya rukovoditelya taynykh monasheskikh obshchin 1920–1930-kh godov* [Man and History in the Epoch of Catastrophe. Self-Reflection of the Leader of Secret Monastic Communities of the 1920–1930s]. In *Vera i lichnost' v menyayushchemsya obshchestve. Avtobiografika i pravoslavie v Rossii kontsa XVII – nachala XX veka*. Moscow, NLO, pp. 340–358.

Beglov, A.L. (2003). *Arhiepiskop Varfolomey (Remov): Argumentum advocati Dei. Nastoyatel' Vysoko-Petrovskogo monastyrya po materialam arhivov ego prihozhn* [Archbishop Bartholomew (Remov): Argumentum Advocati Dei. Abbot of the Vysoko-Petrovsky Monastery According to the Archives of its Parishioners]. In *Tserkov' v istorii Rossii*. Moscow. Iss. 5, pp. 222–240.

Beglov, A.L. (2006). *German (Polyanskiy), prepodobnomuchenik, arkhimandrit* [Herman (Polyansky), Prepodobnomuchenik, Archimandrite]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow. Vol. 11, pp. 228–229.

Beglov, A.L. (2009). *Asketicheskaya pis'mennost' epokhi goneniy kak sistema marginaliy* [Ascetic Writing of the Era of Persecution as a System of Marginalia]. In *Al'fa i Omega*. No. 1 (54), pp. 119–133.

Beglov, A.L. (2022). Nauka kak poslushanie. Monakhinya Ignatiya (Valentina Il'inichna Puzik) (1903–2004) [Science as Obedience. Nun Ignatia (Valentina Ilyinichna Puzik) (1903–2004)]. In *Sud'by tvortsov rossiyskoy nauki i kul'tury. Kollektivnaya monografiya*. Moscow, Galleya-Print. Vol. 8, pp. 352–366.

Beglov, A.L. (2022). Taynye monasheskie obshchiny sovetskogo perioda. Problemy tipologii [Secret Monastic Communities of the Soviet Period. Problems of Typology]. In *Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*. Iss. 108, pp. 126–151.

Beglov, A.L. (2023). Arkhiv taynykh monasheskikh obshchin Vysoko-Petrovskogo monastyra: istoriya formirovaniya i sostav [Archive of Secret Monastic Communities of the Vysoko-Petrovsky Monastery: Formation History and Composition]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 2 (28), pp. 59–73. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER2023-2-05.pdf> (date of access 03.03.2025).

Beglov, A.L. (2024). Samizdat v sostave arkhiva taynykh monasheskikh obshchin Vysoko-Petrovskogo monastyria v Moskve (1920–1950-e gody). K voprosu o fenomene tserkovnogo samizdata [Samizdat in the Archive of Secret Monastic Communities of the Vysoko-Petrovsky Monastery in Moscow (1920–1950s). To the Question of the Phenomenon of Church Samizdat]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 2 (34), pp. 79–98. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-2-06.pdf> (date of access 03.03.2025).

Beglov, A.L. (Ed.), Ignatiya, nun. (1999). *Starchestvo na Rusi* [Eldership in Russia]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo Podvor'ya Svyato-Troitskoy Sergievoy Lavry. 320 p.

Beglov, A.L. (Ed.), Ignatiya, nun. (2001). *Starchestvo v gody goneniy. Prepodobnomuchenik Ignatij (Lebedev) i ego dukhovnaya sem'ya* [Eldership During the Years of Persecution. The Venerable Martyr Ignatius (Lebedev) and His Spiritual Family]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo Podvor'ya Svyato-Troitskoy Sergievoy Lavry. 352 p.

Beglov, A.L. (Ed.). Ignatiya (Petrovskaya), nun (1996). Vysoko-Petrovskiy monastyr' v 20–30-e gody [Vysoko-Petrovsky Monastery in the 20–30s]. In *Al'fa i Omega*. No. 1 (8), pp. 114–135.

Beglov, A.L. (Ed.). Varfolomey (Remov), archbishop (1998). Iz dukhovnogo naslediya [From the Spiritual Heritage]. In *Al'fa i Omega*. No. 4 (18), pp. 119–133.

Beglov, A.L. (Ed.). Varfolomey (Remov), archbishop (1996). Pis'ma i avtobiografiya [Letters and Autobiography]. In *Al'fa i Omega*. No. 2/3 (9/10), pp. 353–378.

Beglov, A.L. (Ed.). Varfolomey (Remov), archbishop (2000). “My vladeem vseradostnoy taynoy”. Slovo o pastyryakh i uchenikakh [“We Own an All-Joyous Ssecret.” A Word about Pastors and Disciples]. In *Al'fa i Omega*. No. 1 (23), pp. 87–108.

Khailova, O.I. (2021). “Nasledie svyatogo pomogaet gimnografu sozdat' ego tochnuyu slovesnuyu ikonu” [“The saint's Legacy Helps the Hymnographer Create an Accurate Verbal Icon of Him”]. In *Patriarkhiya.ru*. Available at: URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5771521.html> (date of access 14.03.2025).

Kravetskiy, A.G. (2012). Liturgicheskiy samizdat XX veka: yazykovye osobennosti i problemy retseptsii [Liturgical Samizdat of the 20th Century: Linguistic Peculiarities and Problems of Reception]. In *Latopisy Akademii Supraskiey. Bialystok*, Vol. 3. Język naszej modlitwy – dawnej I dziś, s. 85–94.

[Kravetskiy, A.G.] (2013). Liturgicheskiy samizdat sovetskogo vremeni [Liturgical Samizdat of the Soviet Era]. In Kravetskiy A., Potekhina E. *Minei: obrazets gimnograficheskoy literatury i sredstvo formirovaniya mirovozzreniya pravoslavnykh*. Olsztyn, pp. 29–32.

Kravetskiy, A.G. (2019). Liturgicheskiy XX vek [Liturgical 20th Century]. In *Voda zhivaya*. No. 4 (april), pp. 12–17.

Varfolomey (Remov), archbishop (2000). “Blagogoveynyy put'”. Slovo o dukhovnom voskhozhdenii [“The Reverent Path.” A Word on Spiritual Ascent]. In *Al'fa i Omega*. No. 2 (24), pp. 146–159.